

ДУБЕНЬ

2011

11

873

ISSN 0869-1533

Т И Х О О К Е А Н С К И Й А Л Ь М А Н А Х

Валерий ПЕРЕЛЕШИН

Два полустанка

*Воспоминания свидетеля и участника
литературной жизни Харбина и Шанхая*

Олег ЧУХОНЦЕВ

Максим АМЕЛИН

Мария ГАЛИНА

Ирина ЕРМАКОВА

Алексей РАССКАЗОВ

Геннадий РУСАКОВ

Стихи

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Тойота «Креста»

повесть

РЁКАН

Перевод с японского А. Долина

Борис ЮЛЬСКИЙ

Черепашья скала

рассказы

П.В. ШКУРКИН

Хунхузы

Бронислав ПИЛСУДСКИЙ

Из Японии

Генри Джеймс СНОУ

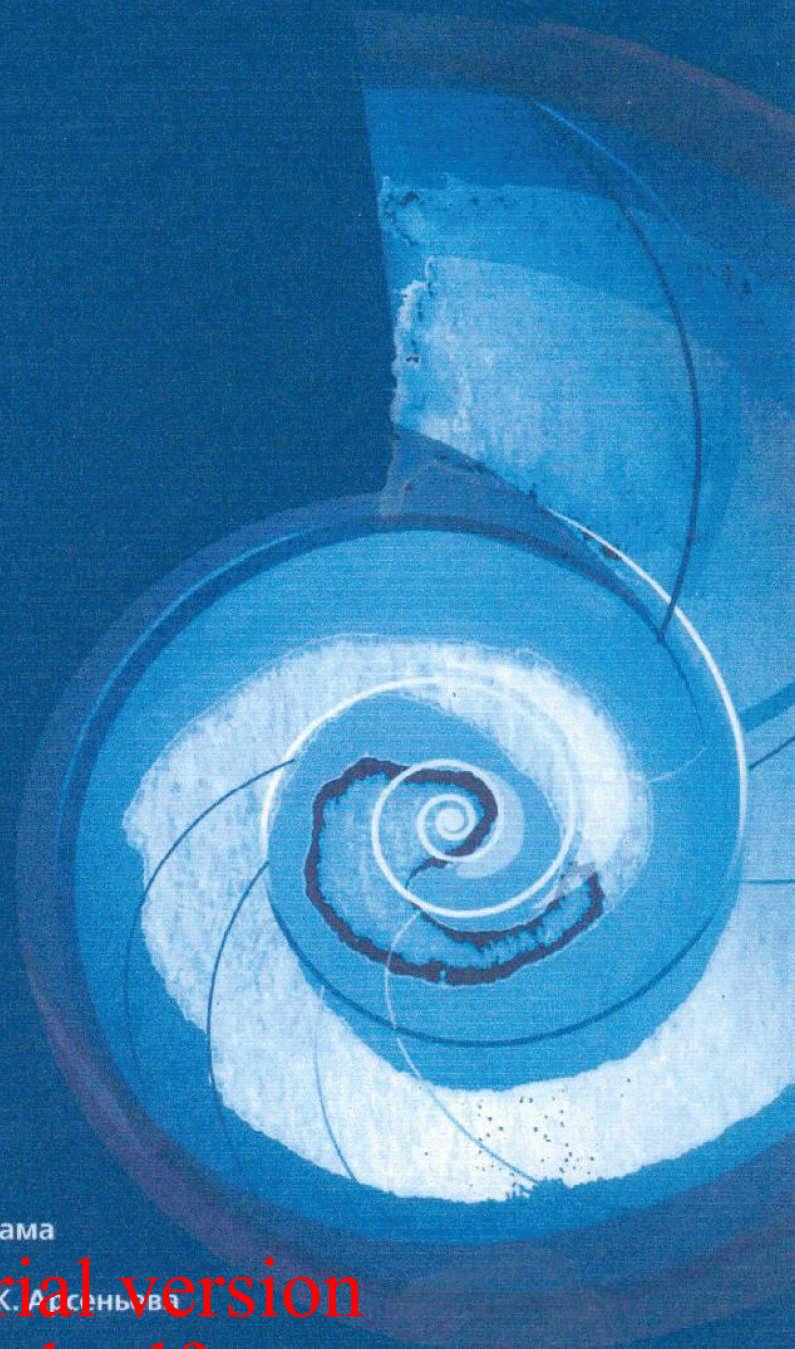
В запретных морях

Перевод с английского И. Ющенко

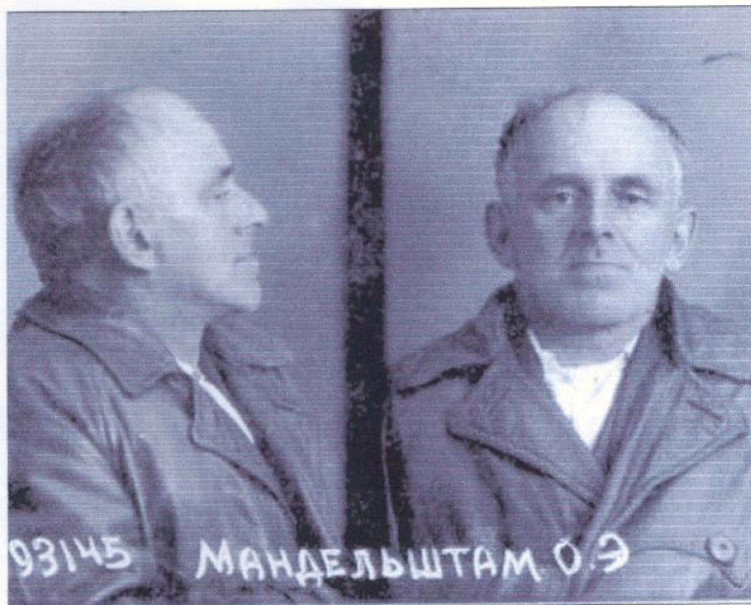
Валерий МАРКОВ

К 120-летию Осипа Мандельштама

Из переписки Н.А. Гайковского и В.К. Арсеньева

This is trial version
www.adultpdf.com

Валерий МАРКОВ

**ВАРЛАМ ШАЛАМОВ:
ИСТОРИЯ ОДНОГО РАССКАЗА**

К 120-ЛЕТИЮ ОСИПЯ МАНДЕЛЬШТАМА

«Поэт умирал. Большие, вздутые голодом кисти рук с белыми бескровными пальцами и грязными, отросшими трубочкой ногтями лежали на груди, не прячась от холода... Жизнь входила в него и выходила, и он умирал..., он вовсе не устал жить. Даже сейчас, в этом пересыльном бараке, «транзитке», как любовно выговаривали здешние жители... Если уж ему, как видно, не придётся быть бессмертным в человеческом образе, как некая физическая единица, то уж творческое-то бессмертие он заслужил. Его называли первым русским поэтом двадцатого века, и он часто думал, что это действительно так. Он верил в бессмертие своих стихов. ... Вся его прошлая жизнь была литературой, книгой, сказкой, сном, и только настоящий день был подлинной жизнью. ... Стихи были той животворящей силой, которой он жил. Именно так. Он не жил ради стихов, он жил стихами...

... Всё, весь мир сравнивался со стихами – работа, конский топот, дом, дом, птица, скала, любовь – вся жизнь легко входила в стихи и там размещалась удобно... Поэт понял, что сейчас сочиняет настоящие стихи...

... Когда ему вложили в руки его суточную пайку, он обхватил её своими бескровными пальцами и прижал хлеб ко рту. Он кусал хлеб цинготными зубами, дёсны кровоточили, зубы шатались, но он не чувствовал боли. Изю всех сил он прижимал ко рту, запикивал в рот хлеб, сосал его, рвал и грыз...

Его останавливали соседи.

– Не ешь всё, лучше потом съешь, потом...

И поэт понял. Он широко раскрыл глаза, не выпуская окровавленного хлеба из грязных синеватых пальцев.

– Когда потом? – отчетливо и ясно выговорил он. И закрыл глаза.

К вечеру он умер.

Но списали его на два дня позднее, – изобретательным соседям его удавалось при раздаче хлеба двое суток получать хлеб на мертвеца; мертвец поднимал руку, как кукла-марионетка. Стало быть, он умер раньше даты своей смерти – немаловажная деталь для будущих его биографов».

Валерий Михайлович Марков (1947), искусствовед, историк литературы. Доктор искусствоведения, профессор Дальневосточной академии искусств. Автор многих публикаций. Живет во Владивостоке.

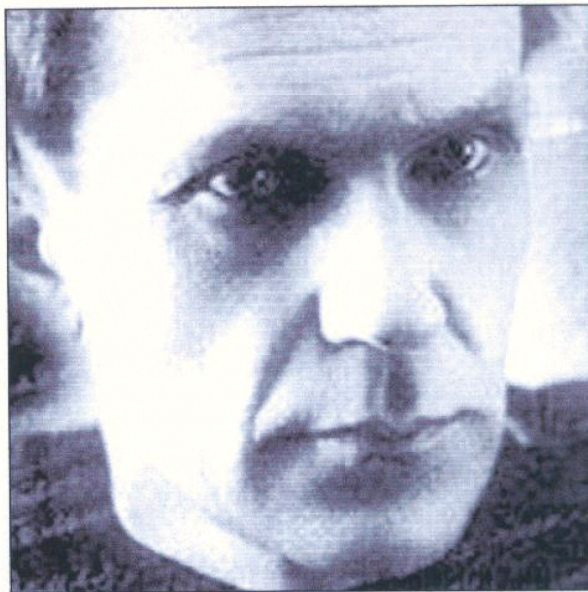
...Эти строки взяты из рассказа «Шерри-бренди», – только одного из обжигающе-правдивого цикла «Колымских рассказов» В. Шаламова, чья жизнь сама по себе была подвигом. По мнению Е. Евтушенко – есть «три вершины «лагерной» литературы – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург и «Колымские рассказы» В. Шаламова; но многие читатели ставят эту книгу на первое место из трёх».¹ В отличие от других рассказов «Надгробное слово», «Ключ алмазный», «Сентенция», «Последний бой майора Пугачева»..., в основе которых лежит страшный колымский опыт пережитый автором, рассказ «Шерри-бренди» посвящён О. Мандельштаму и основан на лагерной легенде владивостокской пересылки.

* * *

...Сын вологодского священника Варлаам Шаламов родился 5 июня (18 июня н.ст.) 1907 г. Его отец Т.Н. Шаламов служил в Вологде, а до неё – православный миссионер, 12 лет работавший на Алеутских островах Северной Америки. Мать – Н.А. Шаламова – учительница. Вместе с братьями и сестрами (Валерий, Галина, Сергей, Наталия) он получил хорошее домашнее воспитание. В 1914 г. поступил в приготовительный класс Вологодской мужской гимназии; затем школа и занятия в литературно-драматическом кружке, где он написал первые стихи и прозу. Тогда, в начале XX века, его учительница по литературе и русскому языку сказала юному отроку: «Вы будете гордостью России».

С юношеских лет идеалом В. Шаламова были народовольцы, ссыльные, которым помогал его отец. В 1926-м он поступил на юридический факультет Московского университета (отделение советского права). Вскоре принял участие в оппозиционной демонстрации к 10-летию Октябрьской революции. 19 февраля 1929 г. первый арест в подпольной типографии МГУ за распространение «Завещания Ленина».² В Бутырской тюрьме был обвинён по ст. 58-10 и 58-11, получив 3 года заключения в концлагерях особого назначения и ссылку на север на 5 лет, где работал замерщиком на лесозаводе Вишерского отд. Управления Соловецких лагерей особого назначения. В октябре 1931-го был освобождён, восстановлен в правах и стал работать на стройке Березниковского химкомбината. В 1932 г. возвращается в Москву. Будущий автор «Колымских рассказов» писал статьи, фельетоны, очерки; работает в журнале «За ударничество», позже – «За овладение техникой», «За промышленные кадры».

12 января 1937 г. новый арест за то, что публично назвал эмигранта И.Бунина русским классиком,³ и приговор: пять лет заключения в лагерях с использо-

Варлаам Шаламов

ванием на тяжелых физических работах за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Из Бутырок этапирован в пересыльный лагерь Владивостока, куда прибыл в июне того же года. А в августе на пароходе «Кулу» отправлен в Магадан. Сначала работает на золотом прииске «Партизан». Но в декабре 1938 г. новый арест по «делу юристов»; следом – магаданская тюрьма, пересылка, тифозный карантин. Затем направление на «Чёрное озеро», – работа кипятильщиком, помощником топографа и землекопом... В 1940 г. – перевод на Аркагалу в угольный забой. Здесь срок его заключения закончился (1942), но был автоматически продлён до конца войны.

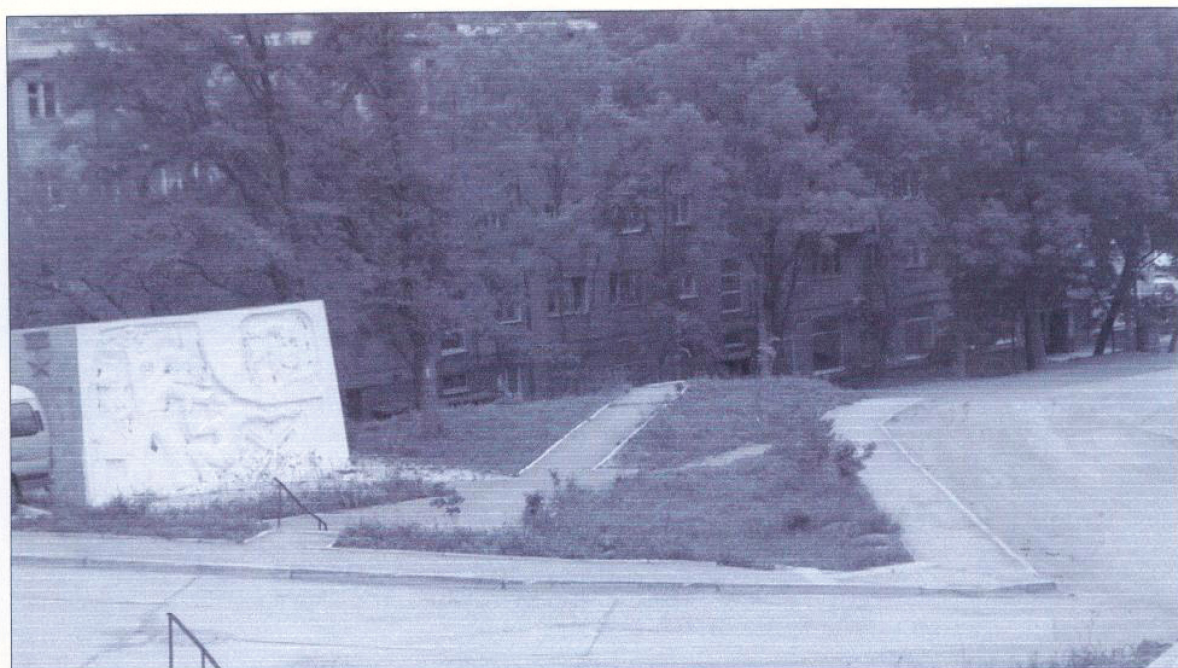
В Колымском крае з/к Шаламова словно испытывали на прочность. В 1942 г. – новый арест и отправка на штрафной прииск Джелгала. Через год – очередной арест и приговор: 10 лет ИТЛ (ст. 58-10). После болезни и пребывания в больнице «Беличья», опять арест в Ягодном и, – по доносам – новое дело. В 1945 работает культоргом в больнице «Беличья». Но за побег был осуждён и отправлен на штрафной прииск Джелгала на общие работы.

В 1946 получил направление на фельдшерские курсы при Центральной больнице для заключённых и до 1949 г. работает в хирургическом отделении этой больницы. В 1950 г., работая фельдшером в посёлке лесорубов, начал писать стихи объединённые циклом «Колымские тетради».

¹ Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. М. – Минск: «Полифакт», 1995, с. 479. Как справедливо отметила И.Сиротинская, Шаламов «никого не предал, не забыл, не простил, на чужой крови не ловчил, он написал «Колымские рассказы», великую прозу XX века». См. Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: ООО Изд-во «Олимп»: ООО Изд-во АСТ, 2001, с. 369.

² В те годы политическое завещание В.И.Ленина было запрещено. В нем дана резкая характеристика И.Сталина бывшего в то время генсеком; отмечена его грубость и нетерпимость к критике. Ленин предлагал «обдумать способ перемещения Сталина с этого поста и «назначить на это место другого человека... более терпимого, более вежливого и более внимательного к товарищам...» См. Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И.Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М.: Политиздат, 1989, с. 29-31.

³ Рыжов А.С. Криминальный талант. По ком из писателей тюрьма плакала. М.: Эксмо, 2006, с. 276.

Справа были входные лагерные ворота (август 2006)

Наконец, после семнадцатилетнего «лагерного затворничества», 13 октября 1951 г. пришло долгожданное освобождение, но без права выезда из Колымского края. Всё-таки это позволило В. Шаламову в 1952 г. с оказией переправить в Москву две тетради своих колымских стихов («которые и отвезти-то все боялись...», согласилась лишь одна врачиха»⁴), посвящённых Б. Пастернаку. Эти тетради, по счастью, дошли до адресата. Между поэтом и бывшим з/к завязалась переписка.⁵ Но о публикации «тетрадей» в те дни не могло быть и речи.

Через два дня после смерти Сталина, 7 марта 1953 г., поэт откликнулся на это событие письмом В. Шаламову, отмечая, что «нынешнее трагическое событие застало меня вне Москвы /.../ и состояние здоровья не позволит мне в дни прощанья приехать в город».⁶ Сам же В. Шаламов вспоминал, что осенью этого же года «героическими усилиями [ему] удалось уволиться...».⁷ В Москву он вернулся 12 ноября 1953 г., и на следующий день пришел к поэту на квартиру, отдал ему книжку стихов («синяя тетрадь»), на которую впоследствии получил лестный отзыв, а сам срочно убыл из Москвы.⁸ Дело в том, что он был освобождён с «минусом», т.е. не имел права жить в больших городах, включая столичные. Поэтому до 1954 г. Шаламов работает сначала на фарфоровом заводе в Конако-

во, затем – на торфяных разработках в Калининской (ныне – Тверской) области. Тогда же он начал писать «Колымские рассказы».

После XX съезда КПСС, 18 июля 1956 писатель был реабилитирован, но частично, и получил возможность работать внештатным корреспондентом журнала «Москва», а также относительную свободу в общении с друзьями. Тогда же, в журнале «Знамя» появилась первая публикация его стихов.

В этой связи необходимо более выпукло коснуться взаимоотношений Б. Пастернака и бывшего з/к, т.к. приходилось соблюдать определённую осторожность, ибо ситуация в стране была непредсказуемой. Кроме того, этот период «оттепельного» времени даёт ключ к более глубокому пониманию не только одного рассказа «Шерри-бренди» и цикла «Колымских рассказов», но и всего творчества. Для этого автору была нужна своеобразная «подпитка», опосредованная реалиями тех дней. А потому, встречи с Борисом Леонидовичем были ему просто необходимы.

Общение с Б. Пастернаком давало В. Шаламову возможность, словно наверстать упущенное; и он жадно впитывал все события литературной жизни страны. По его образному определению, совпадение их взглядов было удивительным. «Я приехал [к нему] учиться жить...» – вспоминал он.⁹ Чаще всего они

⁴ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 329.

⁵ Позже, В.Шаламов рассказывал Б.Пастернаку, как на 50-градусном морозе пять суток, «пересаживаясь с оленей на собак и с нарт – на автомобиль», он ездил за первым письмом. Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 325.

⁶ Соколов Б. Кто вы, Доктор Живаго? Расшифрованный Пастернак. М.: ЭКСМО, Яуза, 2006, с.88.

⁷ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 249.

⁸ По Москве еще ходили ежевечерне милиционеры, проверяя в каждой квартире лишних и чужих, – у меня был паспорт с 39-й статьёй, с правом проживания в поселках с населением не выше 10 000 человек». См. Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 321.

говорили о современных писателях и поэтах, где объектом диалога были: В. Маяковский, А. Белый, Б. Пильняк, М. Шолохов, М. Цветаева, В. Каверин. Вне сомнения, в их разговорах присутствовал и О. Мандельштам.¹⁰ При этом, они открыто высказывали свою точку зрения, иной раз совершенно противоположную визави.

В те годы, вспоминал Варлам Тихонович: «По его просьбе я написал подробный разбор «Доктора Живаго» в рукописи. ...Читать её приходилось в паршиевой гостинице («обыкновенная крестьянская изба») в г. Калинин. Несмотря на сложность, – [я] «читал, читал, читал... А когда все засыпали – писал. Писал о всём, что было разбужено во мне этим романом». Оценив роман положительно, он отметил в рукописи «некоторые неточности» в описании лагерной зоны.¹¹

Зимой 1957 г. он увидел Бориса Леонидовича в последний раз. Но говорить с ним не пришлось. Встречи с ним становились опасными. Уже тогда начал набирать обороты т.н. «нобелевский скандал», которому предшествовали важнейшие события. Закончив рукопись, Пастернак, после долгих мытарств по издательствам и редакциям, понял, что на родине она не будет издана. А потому, в мае 1956 г. он передал её члену итальянской Компартии, представителю посольства СССР в Риме Серджо Д'Анджело, который доставил её в Италию. 23 ноября 1957 года «Доктор Живаго» вышел в свет. Затем был издан в Индии, во Франции и многих странах Европы. Уже в октябре 1958 года секретарь Фонда Нобеля извещил автора о присуждении ему Нобелевской премии в области литературы «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и продолжение благородных традиций великой русской прозы».¹²

Сегодня хорошо известно, какие времена наступили тогда для писателя. «Роман – злобный пасквиль на СССР», – писал ещё до этого события в Президиум ЦК КПСС министр иностранных дел Д. Шепилов. По всей стране были организованы собрания и митинги, клеймящие позором «изменника и клеветника», на которых выступали даже те, кто не знал ни единой строчки из созданного Б. Пастернаком. Собратья-литераторы исключили его из Союза писателей СССР (против были двое – А. Твардовский и Н. Грибачев), а Р. Руденко – Генеральный прокурор СССР прямо на допросе пригрозил завести против

На месте бытовой зоны. Снимок август 2006

него уголовное дело или лишив гражданства, выслать из страны.¹³

Опасаясь за семью, измученный гонениями и обострившимися в связи с этим болезнями, Б. Пастернак был вынужден написать покаянное письмо, где отказывался от получения Нобелевской премии.

В эти годы В. Шаламов с ним не встречался. На то были свои, не только идеологического порядка причины. Суровые условия «колымского сидения» не лучшим образом отразились на его здоровье. В 1957 г. его сразила тяжелая болезнь. Поэтому, «случилось так, что о всех событиях до и после Нобелевской премии мне пришлось узнавать из газет», – вспоминал он. Развязка наступила 30 мая 1960 г., – Борис Пастернак скончался. Погребение состоялось 1 июня. Несмотря на болезнь, В. Шаламов инкогнито приехал в Переделкино проститься с другом, где всё увидел своими глазами. По его определению, то были «тайные пушкинские похороны». Позже писатель отзовется о Пастернаке ёмкой формулой: «Он был совестью моего поколения».¹⁴

Когда позволяло здоровье, Шаламов бывал в редакциях газет и журналов, питая надежды на какие-либо публикации. В 1962 г. в редакции журнала «Новый мир» он познакомился с А. Солженицыным, рассказ которого «Один день Ивана Денисовича» готовился к печати. Он был опубликован в 11-ом номере журнала и вызвал небывалый по тем временам резонанс. То

⁹ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 316, 321.

¹⁰ См. Соколов Б. Указ. соч. В частности, Пастернак считал, что Маяковский «принес в литературу много плохого...», с.101-102; Шаламов В. Указ. соч., с. 327.

По свидетельству очевидца Б.Пастернак всегда хранил книгу стихов «великого Мандельштама, по-братски близкого ему друга, погибшего в лагере». См.: Серджо Д'Анджело. Дело Пастернака: воспоминания очевидца. М.: Новое литературное обозрение, 2007, с. 80.

¹¹ См. Шаламов В. Указ. соч., с. 317, 330; Соколов Б. Указ. соч. с. 216-218

¹² О всех перепитиях и их последствиях, связанных с «Доктором Живаго» см.: Соколов Б. Указ. соч., с. 215-347; Серджо Д'Анджело. Указ. соч.

¹³ См. подробнее – Соколов Б. Указ. соч., с. 319-324; Серджо Д'Анджело. Указ. соч., с. 94. Классический для того времени пример «Пастернака не читал и читать не собираюсь» приводит Н.Мандельштам. См. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989, с. 275.

¹⁴ Шаламов В. Указ. соч.. с. 350, 358.

Варлам Тихонович не зря опасался встреч с Б. Пастернаком во время «нобелевского скандала». По свидетельству Серджо Д'Анджело, через три месяца после смерти Бориса Леонидовича была арестована его ближайшая подруга и сотрудница О. Ивинская, затем – её дочь Ирина. См.: Серджо Д'Анджело. Указ. соч., с. 121.